

Мир живых

Цзян Ту медленно открыл глаза, умиряя непривычное волнение.

Затем он поднялся и неспешно направился в комнату.

Едва он переступил порог, как одеяло на постели зашевелилось. Из-под взбитых простыней показалось чумазое личико. В янтарных глазах не было ни капли сна.

— Благодетель...

В преисподней время течет иначе: один день там равен году на земле. Цзян Ту пробыл в Дифу от силы четверть часа, а в мире живых уже незаметно занялся рассвет.

— Ложись спать, — тихо произнес Цзян Ту, опустив взгляд. — Скоро рассветет.

Е Хуай что-то неразборчиво буркнул, укутался поплотнее и больше не сводил с него глаз.

Цзян Ту подошел к краю постели.

— О чем тебе так трудно сказать? — спросил он.

Е Хуай отчаянно замотал головой.

— Нет, ничего...

Мальчик несколько раз порывался заговорить, но так и не решился выдать правду, готовую вот-вот сорваться с языка.

Разумеется, скрыть это от Цзян Ту было невозможно. Однако все его мысли сейчас занимало грядущее ученичество. Он лишь слегка коснулся макушки Е Хуая, решив пока не настаивать:

— Расскажешь, когда будешь готов.

Сердце Е Хуая пропустило удар, пальцы судорожно сжали край одеяла.

«Благодетель знает, что я скрываю что-то? Но откуда? И почему тогда не спрашивает?»

— Е Хуай, — слова Цзян Ту лишь сильнее укололи совесть мальчика, — я хочу, чтобы ты мне

доверял.

— Я верю! Верю вам, благодетель! — выпалил Е Хуай. — Конечно, я...

Он осекся на полуслове. Если верит, то почему скрывает правду?

«Но если я скажу правду, а благодетель меня бросит... что мне тогда делать?»

Прежде он никогда бы так не колебался, но после встречи с Цзян Ту понял: чем сильнее к кому-то привязываешься, тем труднее сделать выбор.

Пока мальчик терзался сомнениями, Цзян Ту уже снял верхнее одеяние.

Е Хуай приподнялся на колени и преданно заглядывал ему в лицо, словно брошенный щенок, который отчаянно хочет подойти ближе, но робеет.

— Разве ты не хотел лечь со мной? — со вздохом спросил Цзян Ту. — Я ложусь.

Е Хуай не сразу сообразил, к чему клонит благодетель, — тот порой выражался слишком иносказательно. Но когда до него дошло, его глаза радостно вспыхнули. Он торопливо перебрался поближе к Цзян Ту и осторожно примостился рядом.

Свернувшись калачиком, мальчик еще долго ворочался с боку на бок и лишь под утро забылся тревожным сном.

Цзян Ту молча созерцал его спящее лицо в блеклых лучах занимающегося утра.

По правде говоря, его и раньше не особо заботило доверие Е Хуая, да и сейчас мало что изменилось. Но ради того, чтобы связать их узами наставничества, ему во что бы то ни стало нужно разговорить этого упрянца.

Вдруг Цзян Ту почувствовал слабое натяжение ткани. Опустив взгляд, он увидел, что спящий Е Хуай неосознанно сжал пальцами край его рукава.

На следующий день Чэн Се постучал в дверь точно в назначенное время.

— Господин Цзян, как вам спалось? — дружелюбно улыбнулся он, едва дверь отворилась. — До обряда восполнения небес осталось десять дней. Старший брат велел мне показать вам окрестности, чтобы вы понемногу освоились.

— Десять дней? — Цзян Ту слегка прищурился. — Если память мне не изменяет, выборы нового главы назначены на девятый день?

— Вы помните! — обрадовался Чэн Се. — Все верно. Сразу после избрания новый глава лично возглавит обряд. Сроки поджимают, но это лучший способ сплотить орден перед столь важным делом.

— Разумное решение, — кивнул Цзян Ту.

— Как ваши раны, господин Цзян? — с заботой в голосе поинтересовался Чэн Се. — Больше ничего не тревожит?

— Все в порядке.

Накануне, пока Е Хуай спал, он с помощью духовных сил полностью вывел из тела остатки яда.

Сама по себе рана от стрелы была пустяковой, хлопот она доставила лишь потому, что тогда у него под боком кружили заклинатели из Ордена Стремительного Ветра, не давая возможности спокойно перевести дух и заняться лечением.

Чэн Се с облегчением кивнул. Когда из комнаты наконец вышел Е Хуай, они все вместе направились вниз по склону.

Еще на подходе к середине склона до них долетел нестройный гул голосов.

— После восполнения небес наш Орден Прихода и Ухода откроет врата для новых учеников, — пояснил Чэн Се. — Тогда же пройдет отбор в доверенные ученики к старейшинам.

Цзян Ту выслушал это безучастно. К тому моменту они с мальчиком уже покинут гору, так что дела ордена их не касались.

— Узы наставничества для заклинателя уступают по силе разве что союзу соратников на пути самосовершенствования, — продолжал Чэн Се. — Церемония посвящения всегда проходит очень шумно. Если господину Цзяну любопытно...

У Цзян Ту от одного слова «ученик» уже начинала поднывать голова.

Он уже собирался вежливо отказаться, как вдруг им навстречу торопливым шагом вышел какой-то заклинатель. Судя по всему, он держал путь напрямик из Храма Главы Ордена.

Это был тот самый человек, который накануне рьяно ратовал за избрание Чэн Се. Цзян Ту уже

успел запомнить его имя — Ци Цзинюань.

Ци Цзинюань бесцеремонно вклинился между ними, оттесняя Цзян Ту с Е Хуаем, и взволнованно заговорил:

— Шаофу, наконец-то я тебя нашел! Ты хоть знаешь, что у ворот беснуются старейшины из Ордена Стремительного Ветра?

Цзян Ту вовремя отступил на полшага, избежав столкновения, и теперь молча наблюдал со стороны.

— Твердят, будто мы украли у них сосуд для парного совершенствования, — Ци Цзинюань скользнул по Цзян Ту пренебрежительным взглядом, не стесняясь в выражениях. — Угрожают нажаловаться в Верхнее царство, если мы его не вернем. Подумаешь, какой-то паршивый сосуд! Сдался он нам! Из-за какой-то дряни поднимать такой шум и беспокоить небожителей?

— Выбирай выражения, — Чэн Се одернул его за рукав. — Орден Стремительного Ветра давно ищет повод уколоть нас, а этот случай для них — просто удобная зацепка.

— Заветы нашего основателя гласят: благо народа превыше всего, — продолжал Чэн Се довольно громко, привлекая внимание. — Дела Ордена Стремительного Ветра чистыми не назовешь, так неужели они действительно осмелятся дойти до Верхнего царства? К тому же господин Цзян вызвался помочь нам залатать барьер Небесной реки, а от этого зависят жизни тысяч простых людей. Вот что по-настоящему важно.

Ци Цзинюань намеренно кричал во все горло. Вокруг них уже начала собираться толпа любопытных молодых адептов со склона. Слова Чэн Се были встречены одобрительным гулом.

— Шаофу, твои помыслы чисты и благородны! — горячо воскликнул Ци Цзинюань. — Жаль только, что о заветах предков помнишь лишь ты один, а кое-кто давно растерял остатки совести! Знаешь, что этот выскочка Чэн Жан заявил посланникам Стремительного Ветра?

— И что же сказал глава? — нахмурился Чэн Се.

— Он сказал: «Есть дух жаловаться — валяйте, а нет — проваливайте!» И самолично спустил их седобородого старейшину пинком с Лестницы Долголетия!

Среди собравшихся мгновенно поднялся возмущенный ропот.

Пока вокруг наперебой твердили: «Да как Чэн Жан смеет так разговаривать?» и «Оскорбить почтенного старейшину... он точно лишился ума!», Цзян Ту увлек Е Хуая за собой, незаметно выскальзывая из бурлящей толпы.

— Благодетель... — Е Хуай тут же подбежал ближе, едва они скрылись с глаз адептов. Мальчик выглядел совершенно несчастным. — Простите меня... Я опять все испортил и втянул вас в неприятности.

— Пожалуйста... только не прогоняйте меня...

— С чего ты это взял? — опешил Цзян Ту, искренне не понимая, какие глупости роятся в голове у подростка. — Разве я хоть словом обмолвился, что собираюсь тебя бросить?

— Но я... я такой бесполезный, — в глазах Е Хуая на миг вспыхнула надежда, но тут же угасла. — Только мешаюсь у вас под ногами. Мне уже двенадцать, а я до сих пор не заложил основы. Даже не смог отсечь язык какому-то жалкому призрачному зверю.

— Я ведь обещал, что обучу тебя, — прервал его упаднические излияния Цзян Ту.

Стоило ему лишь поманить мальчика, как тот послушно шагнул навстречу, преданно лова каждое движение.

Цзян Ту положил ладонь на его макушку. Мягкие, шелковистые пряди приятно щекотали пальцы. Скользнув ладонью ниже, по контуру лица, он мягко, но настойчиво приподнял подбородок мальчика.

Е Хуай послушно поднял голову, встречаясь взглядом с его глазами разреза ивового листа, в глубине которых мерцал холодный лунный свет.

— Слабый — значит тренируйся. Чего-то не умеешь — я научу, — тон Цзян Ту не терпел возражений.

— Но если ты и дальше продолжишь вести себя как безропотный сосуд для парного совершенствования, вот тогда я действительно оставлю тебя на произвол судьбы.

Е Хуай шумно сглотнул. Его глаза мгновенно налились слезами, и две чистые, как жемчужины, слезинки покатались по щекам.

Цзян Ту вовремя отпустил его подбородок, не дав слезам омочить свои пальцы, развернулся и стремительно пошагал прочь.

Мальчик поспешно вытер лицо рукавом.

Еще несколько мгновений назад он всерьез подумывал о том, чтобы уговорить благодетеля бросить все и бежать, пока вокруг никого нет.

Но суровые, твердые слова Цзян Ту в один миг выжгли эту малодушную мысль без остатка.

— Благодетель, куда мы идем? — спросил мальчик, поспешая за ним следом, словно преданный хвостик.

— Навестим истинного хозяина этого ордена, — отозвался Цзян Ту, устремив взгляд куда-то вдаль.

<http://bllate.org/book/19047/1959807>